

18+

Александр Бурдуковский

Аюна Сахьяева

**СВИДАНИЕ
СО СВОБОДОЙ**

Александр Бурдуковский
Свидание со свободой

«Издательские решения»

Бурдуковский А.

Свидание со свободой / А. Бурдуковский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507169-9

Сборник состоит из трех рассказов: 1) «Бумажное прощай» — о судьбах солдат и их переживаниях в военное время. 2) «Особый мир» — про работу в приюте с особыми детьми. 3) «Свидание со свободой» — герой решает кардинально изменить свою жизнь и порвать круг рутины. Получится ли у него? Ответ в книге!

ISBN 978-5-00-507169-9

© Бурдуковский А.
© Издательские решения

Содержание

«Бумажное прощай»	6
///	8
///	9
Осень	11
///	12
///	13
///	15
Зима	16
///	17
///	18
///	20
///	21
«Особый мир»	22
///	23
///	25
///	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Свидание со свободой

Александр Бурдуковский
Аюна Сахьяева

© Александр Бурдуковский, 2019

© Аюна Сахьяева, 2019

ISBN 978-5-0050-7169-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Бумажное прощай»

Вооруженный конфликт длился уже полтора года, пару месяцев из которых я в нем участвовал. Как писали газеты, набирают только добровольцев, но, например меня никто не спрашивал. Приказали явиться на пункт сбора, а оттуда закинули сразу в лагерь новобранцев. По условиям он больше напоминал тюрьму для отъявленных преступников. Впрочем, я не унывал. До этого жизнь была ко мне благосклонна. Я был молод, и мне мнилось, что впереди только хорошее. Первые же дни в лагере, развеяли это, как рисунок на песке.

Юнцы со всех уголков страны были заброшены вместе со мной. Не ведавшие дисциплины, большинство прямиком со школьной скамьи, мы не знали как себя вести в новых условиях. Больше мы напоминали маленьких, злых зверьков, собранных в одном месте. Злость копилась с каждым днем из-за условий содержания, отношения, из-за всего. Уж очень сильно отличалась жизнь «до» и «после». В лагере мы жили в бараке. Он был свежей постройки, только из старых материалов, откуда-то привезенных. Брус с запахом плесени, неаккуратно затыканные шпаклей щели и влажность. Стоило посидеть в бараке полчаса, как одежда отсырела. Никто ни с кем не общался. Ни свар, ни дружбы, ничего. Спать приходилось каждый раз на новом месте. Бывает, вернешься вечером, а койка занята. После дня, наполненного физическими упражнениями, все валились с ног, где попало, в надежде дать отдых натруженным мышцам в преддверии следующего дня. Форма, которую нам выдали, больше походила на тряпье, и к тому же не соответствовала размерам владельцев. Складывалось впечатление, что кладовщик для проформы узнавал твои параметры, а выдавал то, что под руку попадет.

Занятия были однообразными: физические, чтобы повысить силу и выносливость; психологические, чтобы вбить в нас привычку к слепому повиновению и беспрекословному подчинению приказам. Приведу небольшой пример, дабы вы поняли, о чем речь. За три километра от лагеря было большое озеро. Нас заставляли набирать из него воду и ведрами приносить к дежурному в лагерь, докладываться и нести обратно, выливать в водоем.

– Попробуй, пролей хоть каплю, и ты отправишься под трибунал! – с пеной у рта орал офицер.

Обыкновенная муштра, из которой и состоит армейская жизнь. Только через пару недель мы начали понемногу осваиваться в новой обстановке. А через месяц мне уже казалось, что я жил так всю жизнь.

Лето.

Агрессором выступала наша страна, но на политзанятиях нам упорно твердили, что нас на это вынудили. Если вкратце: весь мир глуп и неразумен, творит преступления и нарушает все правила, а наша страна взяла на себя эту неблагодарную, но необходимую работу по устранению беспорядка. Несмотря на наш возраст, даже нам было совершенно ясно, что это ложь.

Стартовала эта история летом N-го года. К тому времени я уже второй месяц был в лагере новобранцев. Тех, кто был готов, забирали на фронт, остальные продолжали обучение. Кто-то был готов через пару недель, кто-то задерживался здесь на долгие месяцы. Степень готовности определяла специальная комиссия. Один парень находился здесь уже более полугода, был старожилом и даже гордился этим.

– А чего там делать-то? Помирать рановато. Мне и здесь неплохо. Я и не военный и не гражданский, у меня своя философия жизни, – важно надув щеки говорил он.

– Трус ты и все, – оборвал его дюжий здоровяк. Он появился неделю назад и показывал хорошие результаты по физической подготовке. Вел себя вызывающе и постоянно провоцировал беспорядки. Обычно я плохо отношусь к подобным типам. Но, этот парень вызывал у меня непонятную симпатию, словно старый, позабытый товарищ. Сам я атлетическим телосложением не обладал. Однако благодаря регулярным тренировкам, не отставал от других.

День шел к своему завершению, и мы курили за столовой, в ожидании ужина. Табак здесь не поощрялся, но и строгих запретов тоже не было. На войне вообще мало запретов. Раньше я никогда не курил. А теперь уже не представлял дня без курева. Какой солдат без табака?

– Я трус? Да я здесь уже столько что тебе и не снилось! – закричал обиженный старожил.

– А толку? Только жратву зря переводишь, – спокойно парировал здоровяк.

Завязалась потасовка, мы попытались разнять драчунов. Как по мановению волшебной палочки появились дежурные и всех растащили. Часть отправилась в медпункт, остальных определили в карцер. Туда же попал и я. Карцером был старый курятник, с висячим замком на двери. Запах навоза, скотины и опилок. В углу дремал в куче тряпья «арестант». При нашем появлении, он осведомился о сигаретах и получив своё, возобновил сон.

– Дин, – протянул руку здоровяк.

– Александр, можно просто Лекс, – представился я так, как называли меня мои друзья.

– Давно здесь?

– Второй месяц.

– Понятно. А я недавно попал сюда.

– Знаю.

– Чертова война. Кому она вообще нужна?

– Хороший вопрос. Наверное, кому-то и нужна, кому-то выгодна.

– А мы здесь причем? Пусть дерутся те, кто эти войны устраивает.

В его словах сквозила простоватая, но правильная логика. Дин был сыном фермера, с детства приученным к тяжелой работе. Всю свою жизнь он провел в поле, и теперь не мог понять, что тут делает. В компании нового знакомого было легко, и мы разговорились. Через неделю после этого разговора, нас отправили на фронт.

///

С Динем мы попали в один отряд. Находился он за тысячи километров отсюда. Прямо из лагеря новобранцев нас отправили на его поиски. По пути всюду мы отмечались на командных пунктах, на них же получали паек. А вот с транспортом все было не так прозаично. Пыльные машины, конные обозы, грузовики снабжения. Некоторые дни мы маялись от долгого ожидания, иногда нам везло и мы покрывали огромные расстояния. Общие трудности сближают и постепенно мы с Динем подружились.

Стоило выехать за пределы страны, и война встала перед нами в полный рост. Развалины, запах пожаров, воронки от артиллерийских снарядов. Новые кладбища, растущие как грибы после дождя. И глаза коренного населения, наполненные ненавистью и устремленные на нас. Стоит мне лечь спать, и я сразу вспоминаю эти глаза.

– За что они нас так ненавидят? – как-то спросил меня Дин.

– За то, что мы разрушили их жизни.

– Да, ты прав, но как говорят: «Лес рубят – щепки летят».

– Здесь каждая щепка – чья-то судьба, или семья.

Через три недели мы догнали свой отряд. Часть его была на передовой, часть отдыхала. И снова стартовало обучение. Только теперь в нас не развивали силу и послушание. Пришло время гораздо более полезных и необходимых навыков. Как убить человека штыком. Что делать если попал в плен. Как лучше прикинуться мертвым, чтобы авиация не обратила на тебя внимания. Как правильно метать гранату, чтобы она взрывалась до падения на землю, и разбрасывала осколки на большую дистанцию. Как обрабатывать разные виды ранений и как добивать безнадежно раненных товарищей.

Отряд состоял в основном из среднего возраста мужчин, настоящих псов войны, органично в неё вписывающихся. Хотя в отличие от нас у них были семьи, были профессии. У них было прошлое, в которое можно вернуться. А куда вернемся (если вернемся) мы? Порой вечерами я думал об этом, но ничего путного в голову не приходило.

Пришла часть отряда с передовой. Несколько носилок с тяжелоранеными. Многие изувеченные ковыляли сами по себе, перемотанные грязными бинтами. Они не только сдержали натиск противника, но и смогли продвинуться вперед. Правда, выглядели они как потерпевшие страшное кораблекрушение. Деморализованные, потерянные, они с робкой надеждой смотрели вокруг и не находили утешения. Из ушедших шестидесяти вернулось лишь двадцать семь.

– Такова цена победы, – сплюнув, сказал один из ветеранов.

Мы с Динем тревожно переглянулись. Скоро наступал наш черед отправляться на фронт.

///

Даже воздух здесь был совсем другой. Запах разрытой земли, тяжелый дух крови, запах страданий. Аромат самой смерти. На вооружение нам дали по армейскому карабину с парой обойм. Весь пейзаж, насколько хватало глаз, покрывали борозды окопов, блиндажей и укреплений. Лабиринт окопов протягивался на несколько километров во все стороны. Далеко в тумане прятались укрепления врага. Временами в небесах кружили самолеты разведчики. Уже несколько дней мы ждали подкрепления для начала атаки. Обозы не могли подойти ближе, и нас мучила жажда и голод.

– Когда пойдем в атаку, не хватайте ценности или оружие, берите консервы, фляжки, ищите съестное. Неизвестно насколько мы здесь застряли, – наставлял нас бывалый ветеран.

Первая атака, словно первая любовь, навсегда остается в анналах памяти. Громоподобная канонада нашей артиллерии, расчищающей путь, а потом крик командира, подхваченный и передающийся по цепочке.

– Вперед!

Мы выскакиваем из окопов, как чертики из табакерки, и бежим сломя голову. Перед нами только пелена из дыма и тумана, за которой ничего не видно. Мы оскальзываемся и падаем в воронки. В легких кончается кислород, я начинаю задыхаться. Вспышки выстрелов мелькают передо мной. Враги встречают нас ливнем огня. Хочу остановиться, упасть, спрятаться, закопаться в землю, но продолжаю бежать вперед, как и все мои товарищи. Кого-то сбивают пули, и он навсегда остается лежать позади. Внезапно перед нами вырастает вражеский окоп, и мы с размаху проваливаемся в него. Оружие больше ничего не значит, война, политика не имеет значения, всё отходит на второй план. Мы первобытные люди, сражающиеся за право жить. Из блиндажа выбегает противник, от неожиданности и испуга я бью его штыком в живот. Лезвие тяжело проваливается и застревает в ребрах. Удивленное лицо, залитое смертельной бледностью, а по моим рукам струится вязкая кровь. Я вспоминаю полигон, и как просто было колоть соломенное чучело. С трудом освобождаю оружие и вбегаю в блиндаж в попытке оградиться от этого безумия. Меня рвет, так как никогда раньше. Будто сам мой желудок пытается выбраться наружу. Следом появляется наш солдат.

– Чего встал, хватай консервы и назад, мухой!

Бесконечная муштра приносит свои плоды. Приказ только повис в воздухе, а я уже приступил к выполнению. Послушно набиваю карманы банками и бегу обратно. Атака окончена, пора возвращаться на исходную. С минуты на минуту артиллерия противника начнет обстрел этих позиций. Бегу обратно, озираюсь кругом. Солдаты как сумасшедшие спасают свои жизни. Где же Дин? Но, останавливаться нельзя, остановка означает смерть.

Заваливаемся в свои окопы и падаем без сил на землю. Только надрывный хрип дыхания нарушает тишину. Проходит минута, другая... И воцаряется ад. В воздухе стоит свист, гул, вой разрывающихся снарядов. Кто не успел добраться до спасительного окопа, гарантированно превратился в фарш.

Дина я обнаружил только к вечеру. Целый и невредимый, он сидел, привалившись к глиняной стене окопа, и смотрел в одну точку. Взгляд его напоминал дом, из которого вынесли всю обстановку, оставив лишь стены. Я уселся рядом с ним. Заметил он моё появление или нет, было непонятно.

– Я убил человека, – неожиданно сказал он, словно прочитав мои мысли.

Вспомнился мой противник. Кто он был? Что за человек? Была ли у него семья? Я ничего не стал говорить. Несмотря на появление припасов и голод, продолжающий нас мучить, в ту ночь мы не смогли проглотить ни кусочка.

Иногда в небо взлетали осветительные ракеты, выхватывая куски земли. До самого рассвета из темноты слышались стоны умирающих.

Осень

Незаметно подкралась осень. Похолодало, ветер с утра до ночи кружил листья. Террор расцветал пышным цветом. Как всегда бывает, стоит появиться деньгам и крови, и любые соглашения, конституции, законы и прочее утрачивают свою силу. Мы продолжали наступление, вторгаясь всё в новые государства. Среди армейских людей всё чаще встречались настоящие фанатики, с пеной у рта доказывающие правильность и справедливость этой войны. Само словосочетание кажется настоящим кошунством, «правильность и справедливость войны». О какой справедливости может идти речь, если мы нападаем? Такие фанатики были опаснее всего, их боялись и избегали. Если попадался такой командующий офицер, это было настоящее бедствие. Они беспощадно убивали пленных, пытали и насиловали гражданских. А самое главное приучали к этому своё подразделение. Эти части зверствовали, вырезая целые поселения. К счастью, большинство военных были иными. Основной задачей для них было выполнение задачи и выживание личного состава.

Мы с Динем держались особняком. Очень мало общались с сослуживцами. Их лица смеялись стремительно, памяти не за что было зацепиться. Как картинки в калейдоскопе, не успеешь глазом моргнуть, а уже другая появилась. Новобранцы умирали как мухи. Больше они напоминали детей, нежели солдат. Бывалых ветеранов тасовали из части в часть, отправляя в более горячие области.

Уже уйму времени мы сидели в этом окопе и ждали. Приказа об атаке, или отступлении. Время здесь бежит совсем по-другому. Никогда не ясно, сколько его прошло, может несколько недель или всего один час. Началось все именно с того, что мы были вдвоём в полной тишине. И каждый думал о своём, о своих мечтах, целях и желаниях. Никогда у меня не было друзей до появления Дина. Приятели, знакомые, да, их было огромное количество, а вот друзей не было. Понимать это я начал лишь теперь.

– Наступают! Приготовиться к отражению атаки! – пролетел тревожный клич.

Все подобралось. Кто-то торопливо докуривал, кто-то крестился. Даже самые ярые атеисты, на войне начинают верить в Бога. Я перемотал сырые портянки, Дин, ругаясь сквозь зубы, пытался перезарядить старую винтовку. Несмотря на автоматический механизм, она постоянно заедала. Еще до начала атаки, в воздухе разливается тяжелый дух гибели. Земля дрожит под их ногами. Рев атакующих напоминает рокот далекого морского прибоя. Березовый лесок выпускает их наружу, они бегут к нам. Полтора километр... Километр... Уже можно рассмотреть перекошенные в крике рты. Все пространство пропитано флюидами напряжения, время сгустилось до осязаемого состояния.

– Стрелять только по команде. Ждем... Ждем... – пытается охладить наш пыл командир.

Не успели противники выйти на убойную дистанцию, как наша артиллерия накрывает их. Один миг и все скрывается в пламени и дыму. Мы, как лягушки распластались по дну окопа и только вздрагиваем при взрывах. Влажная, грязная земля кажется райским ложем, даже представить жутко, что сейчас происходит наверху. Воображение рисует картины вакханалии, и никак не получается переключиться. Пахнет потом, грязной одеждой и мочой. Многие кто только прибыл на фронт, не могут сдержаться при канонаде. Но, никому и в голову не придет смеяться, или даже обращать на такое внимание. Здесь это в порядках нормы.

Грохот, кажется, стоит целую вечность. Но, даже когда установилась тишина, в это трудно было поверить. Я вижу перед собой лицо Дина, он широко раскрыл рот, чтобы избежать контузии. По одному люди начинают подниматься на ноги. Пелена дыма медленно утекает на восток. Даже в такой мясорубке могут остаться живые. Нас отправляют на поиски пленных, «языков». Работает это так: находишь раненого, задаёшь вопрос на нашем языке, если отвечает, выносишь его в безопасное место; если нет, добиваешь. Все проще некуда. Мы с Динем осторожно

продвигаемся, оглядываем воронки. Часто бывают случаи, когда люди забиваются в них и переживают артобстрелы. Едкий дым стелется по земле, мешая обзору. Некоторые трупы пылают в этом мареве как далекие сигнальные костры. Аромат жареного мяса заставляет сжиматься пустой желудок. Иногда раздаются одиночные выстрелы. Дин подаёт сигнал рукой, показывает влево. Особенно глубокая воронка, будто специально наполненная трупами. Там мы и увидели впервые этого человека. Худой, маленький человек с узкими глазами. Он лежал в углублении, скрытый от осколков телами других. Расслабленная поза и взгляд в никуда, на ему одному доступный пейзаж. Он не притворялся мертвым в попытках спастись, при нашем появлении он даже не шевельнулся, только глаза скользнули по нам и вернулись на место. Мы нервно переглянулись. Обычный вопрос при поиске «языка»: «Кто ты?». Но, сейчас Дин спросил: «Что ты делаешь?»

– Смотрю на облака, – последовал ответ.

Не сговариваясь, мы подняли его и понесли к медикам. Осколком ему посекло ногу. Его звали Сокто.

///

Пленные в лагере пользовались определенной долей свободы. Бежать было некуда, потому основным правилом было не приближаться к арсеналу и жилым палаткам. А так можно было передвигаться почти по всему лагерю.

Новый знакомый возбудил в нас любопытство. После его беседы с особым отделом, вечером мы отправились его навестить. Он безмятежно лежал на койке, и напоминал скорее посетителя санатория, чем пленника. Он с недоверием к нам относился и особо не шел на контакт, но постепенно мы разговорились. Он был выходцем из далекой азиатской страны, непонятно каким боком попавшей в этот конфликт. Он поведал нам о своей стране, обычаях и нравах. С детства способный к иностранным языкам, он бегло разговаривал на нашем. Как и многие другие, Сокто не хотел идти на войну. Только его никто не спрашивал. Даже сейчас, в этой ситуации, он казался гражданским человеком, волею злого рока заброшенный сюда. До самой ночи мы проболтали в прохладной палатке госпиталя. Уже объявили отбой, а мы так и сидели освещенные небольшим огоньком огарка свечи. Мы бы просидели еще дольше, но пришел санитар проверять больных и прогнал нас.

До этого мы с пленными не контактировали. Для нас стало настоящим открытием что пленные, это точно такие же люди, как и мы. Их точно также подняли и отправили на эту войну. Сокто был чуть старше нас, но иногда складывалось впечатление, что он гораздо взрослее своих лет. Будто поживший мудрец говорил устами молодого мужчины. Общение с ним это был глоток мирной жизни среди окружающего хаоса.

Передовые части армии ушли далеко вперед, а нас перекинули в арьергард. После передовой, работа здесь казалась отдыхом. Несколько человек из нашей роты, в том числе и нас с Дином, прикомандировали к госпиталю. Чем мы были вполне довольны. К сожалению, как это всегда было в мире, методы нанесения увечий далеко опережали методы лечения, потому в большинстве случаев раненные умирали. Да и вечный фронтовой дефицит всего серьезно сказывался. Настоящих хирургов было раз, два и обчелся. Остальные были не более чем курсанты из медучилищ. Пару раз я присутствовал при операциях, и вещи, происходящие там ничуть не лучше картин поля боя, после обстрела минометов.

Будни проходили в уходе за больными и ранеными. Вечерами мы собирались втроем, гуляли, курили, разговаривали. Один раз даже стащили немного спирта и напились. Со дня на день ожидался снег, дыхание из груди вырывалось облачками пара. Но, это нас не остановило. С приближением ночи, мы улизнули из лагеря со своей добычей и нехитрой закуской. На поляне в лесу расстелили брезент и уселись пировать. Сокто шел на поправку, но пока

что ему приходилось передвигаться с помощью костылей. С непривычки мы быстро опьянели. Холод перестал нас донимать, а мир казался не таким плохим местом.

– Когда всё закончится я вернусь домой. Построю дом, заведу хозяйство и женюсь. У меня будут трое ребятишек, две собаки и много-много скота. На праздники буду собирать всю семью, и вас тоже буду приглашать. А больше ничего и не надо, ведь это настоящее счастье, – мечтательно проговорил Дин.

Это была самая длинная тирада, услышанная от него за все время нашего знакомства. Обычно замкнутый и молчаливый, он поведал свою маленькую мечту. Здорово, если бы всё в жизни было бы также просто и понятно. Слушая его откровения, я думал о своем. На небе неспешно появилась луна, её призрачный свет изменил всё вокруг. Мы лежали и смотрели на звездное небо. В эти минуты казалось, что все хорошо, война где-то далеко и никогда нас не коснется. Впервые за долгое время мы смогли полностью расслабиться.

– А я вернусь на Родину и напишу книгу. С самого детства, читая другие книги, я мечтал об этом. Сюжет уже долгие годы формировался в моей голове. Наверное, нужно было это давно сделать. Только я постоянно откладывал, медлил. Занимался всякой ерундой, распыляя себя попусту. Ведь жизнь только началась, и всё еще впереди. Теперь я буду ценить каждую минуту, проведенную на свободе. Без команд, без воя сирен, без огня и ужасов сражений. Все будет осознанно, – проговорив это, Сокто погрузился в молчание. А после паузы тихо добавил. – Только бы вернуться домой...

Долгое время мы лежали в безмолвии и слушали лес. В любое время года он наполнен звуками. До войны я часто любил гулять по лесу. Без разницы, в какую погоду или сезон, меня всегда привлекало это занятие. Бродил долгими часами по зверовым тропам, сидел на опушках, собирал грибы и красивые растения. Не охотился и не рыбачил. Единственные следы которые оставлял в природе, это следы моих ног на земле. Золотое время. Не нужно высматривать везде засады и ворошить листву под ногами в поисках противопехотных мин.

– Ну, а ты Лекс? – нарушил тишину Дин.

– Что я?

– Чем ты будешь заниматься после войны?

– Дальше буду жить вот и всё.

Прозвучало это грубо и резко. И чего уж греха таить, разрушило всю атмосферу. Только я, правда, не знал, что ответить. Семьи у меня не было, а самые близкие люди на планете, сидели со мной здесь и сейчас. Куда я вернусь? Чем я буду заниматься? Вопросы без ответа.

///

Наш госпиталь неотвратимо догонял передовые силы. После кровопролитных боев мест не хватало, и многим раненым приходилось лежать на полу или земле. Мы только и успевали таскать носилки. Если пересчитать все могилы, которые я выкопал, и в которые опустил мертвеца, выйдет среднестатистическое кладбище провинциального городка. Работать приходилось круглыми сутками, а спать урывками и где придется. И все равно, это было гораздо лучше, чем участвовать в сражениях. Иногда удавалось помыться в бане или принять холодный душ. Такая гигиена представлялась верхом блаженства. Госпиталь, набитый больными людьми был настоящим рассадником заразы. Особенно блохами и вшами. Нам повезло, что Дин с малолетства водился с животными и знал методы борьбы с кровососущими насекомыми. Благодаря ему, эта напасть обходила нас стороной.

Сокто никак не получалось транспортировать в тыл, и он ехал вместе с нами. Он был единственным пленником во всем лагере. До этого шедший на поправку, он неожиданно снова слег. Пытался казаться веселым, старался смешить нас, но было ясно, что-то не так. Он почти все время лежал в постели без движения. Костыли забрал санитар, отдал кому-то другому.

Впрочем, наш друг и не торопился на прогулку. Когда его об этом спрашивали, отшучивался, мол, устал, полежать хочу. На лице его залегли тени, он осунулся и еще больше похудел. Когда кто-то на него смотрел, он старался улыбаться и быть приветливым, но стоило остаться одному и его лицо кривилось от боли. Из-за тотальной занятости наши посиделки стали очень редкими. Даже Дина я теперь редко видел. Ночью, когда я возвращался, его койка часто была запроваженной. А утром мы вскакивали по команде и бежали по делам.

Наступали последние числа осени, и очередная страна объявила капитуляцию под нашим натиском. В этот день был объявлен праздник и выходной по всей армии. Ну, а у госпиталей выходных не бывает. Мы работали в том же режиме. В столовой давали усиленный паек, и мы с Динем договорились сохранить его до вечера и посидеть втроем.

С нетерпением дождались отбоя и пошли. Палатка, где лежал Сокто, была залита темнотой. Только робкий огонек керосиновой лампы дрожал где-то в глубине. Мы уверенно пошли на него и увидели нашего друга. Он полулежал на койке и что-то сосредоточенно писал в блокноте.

– Никак книгу начал, – прошептал мне на ухо Дин.

Мне так не казалось. Судя по выражению его лица, это скорее было письмо. Увидев нас, он торопливо затолкал листок под подушку.

– Привет парни! А я тут ожидаю вас.

Пододвинули еще одну койку и образовали небольшой кружок. В его центре уютно устроилась керосинка, разгоняя тьму. Потекла обычная беззаботная беседа, заполненная шутками и смешками. Мы не спеша перекусили и от общих разговоров перешли к частным.

– Сокто мы ведь друзья? – осторожно спросил я.

– Да, безусловно. Таких близких товарищей у меня не было с самых ранних лет. Даже, несмотря на обстоятельства, в которых мы повстречались, я благодарен судьбе за это. То, что мы втянуты в эту войну и оказались по разные стороны баррикад ничего не значит. Ведь я уверен на мир мы смотрим одинаково.

– Могу сказать, почти-то же самое. Ну, только ни так красиво, – со смущением проговорил Дин. – Если бы не вы, я, скорее всего уже умер бы. Не от пули, так от тоски.

– Аминь, – резюмировал я.

Повисла тишина, та, что понятнее и красноречивее тысячи слов. Одно из преимуществ дружбы – взаимопонимание. С настоящим другом можно не только говорить, но и молчать.

– Сокто, что с тобой? Почему ты теперь все время лежишь? Ты болен? Поделись с нами, вдруг мы сможем помочь, – почти шепотом спросил Дин.

Лицо Сокто оставалось беспристрастным, только в глазах на миг что-то изменилось. Он с присвистом выдохнул, будто собираясь с силами.

– Неделю назад началась гангрена. Пока только на одной ноге, но может перекинуться и на вторую. Пробовали лечить, остановить без хирургического вмешательства, но куда там. Лекарств не хватает, нужен особый режим, диета и прочее. А где это все возьмешь? Сегодня на пять утра назначена операция, будут удалять часть ноги, или ампутировать полностью. Как я ни стараюсь себя успокоить, подготовить, ничего не выходит. Мне до чертиков страшно, так как никогда раньше.

– Почему же ты молчал?

– А что бы это изменило? У вас ведь тоже жизнь не сахар, а так добавился бы еще один повод для печали. Знаете, чтобы я хотел напоследок? Увидеть еще раз снег. Там где я живу, его почти не бывает. И за свою жизнь я видел его лишь однажды. Хотя теперь это все уже не важно, все будет так, как будет. Этой ночью все решится. Хватит об этом, лучше расскажите что-нибудь смешное.

Мы старались повеселиться, только понятное дело, ничего не получалось. Шутки, анекдоты и прочее, могли выжать из нас только кривую улыбку, но никак не смех. Когда часы показали полночь, мы с Динем засобирались уходить.

Напоследок Сокто окликнул меня.

– Лекс, если что... – тут он сделал паузу. – Отправь это моей семье.

Я взял протянутый конверт и спрятал за пазуху.

– Завтра вечером я тебе его верну.

– Спокойной ночи.

– Добрых снов.

Он устало кивнул и отвернулся к стенке.

Весь следующий день мы приходили и проверяли его койку. Но, она все пустовала. А вечером на ней появился новый жилец.

Он истек кровью на операционном столе. Такие случаи происходили регулярно, и никто не обращал на них внимания. Мы с трудом нашли место, где его закопали. Он был военнопленным, и похоронили его за оградой кладбища, на далеком пустыре, заросшем высохшей полынью. Мы соорудили небольшой крест и устроили поминки. Вещи его стали добычей санитаров и исчезли в неизвестном направлении. Все что осталось от него, был листок бумаги в пожелтевшем конверте. Да и тот, скоро отправится в путь, покинув нас. И останется о нашем друге только лишь память, постепенно, с годами стираясь. Наше знакомство продлилось всего несколько недель, а по ощущениям казалось, мы потеряли того, кого знали всю жизнь. Сокто умер, а через день выпал первый снег, как прощальный привет от него.

Зима

Наша военная машина уверенно продвигалась вперёд. Завоёванная территория была слишком обширной, чтобы держать её под контролем. Не хватало ресурсов, чтобы контролировать такую большую область. Наша армия больше всего напоминала удава, проглотившего слишком большую добычу и страдающего несварением.

Наступила зима. Новое время года – новая страна, границы которой были нарушены. И теперь все было совсем по-другому. Они ждали нападения и были к нему готовы. С самого начала они оказали яростное сопротивление. Кровавопролитные бои проходили за каждый километр продвижения. Складывалось впечатление, что сама местная земля и природа борются против захватчиков. Здесь было так холодно, словно мы угодили прямиком на Северный полюс. От обморожений люди умирали чаще, чем от оружия. И снег, здесь неделями, месяцами шел снег. Есть такие новогодние сувениры, шар с домиком внутри и насыпанной белой пудрой. Стоит потрясти шар и поднимется красивая пурга. Иногда мне казалось, что злой рок поместил нас в эту игрушку, и кто-то её регулярно встряхивает.

О Сокто мы старались не говорить. Нет, мы не настолько толстокожи, чтобы сразу же забыть о нем. Просто, если станешь на таком заикливаться, неизбежно придешь к выводу, что жизнь – это всего, лишь череда смертей, идущих одна за другой, и заканчивающаяся твоей. И так будет всегда. Письмо Сокто решили отправить вместе с другими письмами. Была большая вероятность, что если отправить отдельно, то письмо, направленное в далекую восточную страну, никогда не доберется до адресата. Его завернут обратно, и оно затеряется в нестабильных путях военной корреспонденции. А если отправить много писем разом, то они сначала направятся далеко в тыл. Там будут тщательно проверены, рассортированы и отправлены в места назначений. Потому его конверт всюду следовал с нами.

Нашу роту снова отправили на передовую. Состав был доукомплектован новобранцами. От прежнего костяка осталось меньше трети, все остальные погибли. Мы с Дином стали более умелыми солдатами, поднаторели в науке выживания и передавали свои знания новичкам. Разница у нас с ними была всего в пару лет. В их глазах мы выглядели ветеранами. А нам они казались детьми, облаченными в военную форму.

Иногда мне чудилось, что мы из молодости перешагнули сразу в старость, миновав ступень взрослой жизни. Равнодушие овладело нами, после пятого своего убитого я перестал считать трупы. Казалось, это будет длиться вечно, так зачем противиться?

Победы чередовались с поражениями. Воевать здесь было, не в пример сложнее, чем раньше. Рытье окопов, укреплений и могил превратилось в настоящую пытку.

– Зачем нам нужна страна с такой погодой? – роптали солдаты.

Однако их мнение мало кого интересовало. Только теперь мы столкнулись с настоящим противником. Все, что было до этого – жалкие цветочки. Наша армия была многочисленнее, но толку от этого было чуть. Подобно тому, как собаки травят на охоте медведя, кусают его за пятки, крутятся кругом, сковывая движения; так и наш враг вёл искусную партизанскую борьбу. Вырезали часовых и отстающие подразделения, устраивали диверсии, грабили обозы и склады. Всего и не перечислить.

После смерти Сокто многое изменилось. Нам здорово не хватало бесед. Тех, которые вели мы втроём. Мы также много проводили времени с Дином, но по большей части молчали. Сокто словно связывал наши души незримой нитью. А теперь она оборвалась. Связь прервана... Требуется восстановление линии...

Сослуживцы после года на передовой отправлялись в отпуск. Все с завистью смотрели на тех людей, которые вырывались из этого ада. Из-за нехватки людей, мой отпуск постоянно сдвигался. Никто не мог давать никаких гарантий. А кто возвращался, сетовали на газеты,

выходящие на Родине. Там была сплошная ложь, о том, что происходит здесь. Лощенные солдаты залихватски улыбались с передовиц ведущих изданий. Холеные лица, пышущие здоровьем, униформа с иголки и новейшее вооружение, которого мы и не видали. А что было на самом деле? Мы ходили в рванье, питались одной капустой и брюквой, а на атаку нам выдавали всего по 8—10 патронов. Командиры постоянно произносили перед нами патриотические речи, но моральный дух неизменно падал. Скучный ручеек снабжения благодаря нашим врагам почти совсем иссяк. Нехватка провизии и боеприпасов ощущалась все острее. Фронтальная истерия накрывала нас день за днём. Большинство солдат не верили, не то, что в победу, они не верили даже в то, что однажды вернуться домой. Они собирались в укреплениях, палатках и молились. Во многих местах имело место дезертирство. Если в ближайшее время наше руководство не придумает план, как переломить данную ситуацию, то войне скоро придет конец. И с не самыми хорошими для нас перспективами. А пока вместо этого, всё катилось своим чередом. Нам приказывали, мы выполняли приказы.

За первые несколько недель в этой холодной стране мы продвигались вперед и закреплялись, а потом нас выбивали с этих позиций. Затем мы снова отвоевывали эти позиции. Ситуация повторялась раз за разом. Когда я оказывался в укреплениях противника, то начинал думать о людях, которые их сделали. В чем их отличие от нас? Почему мы должны убивать друг друга? По сути, мы топтались на одном месте, словно играли в царя горы. Вскоре я уже начал узнавать места.

– Мы были здесь неделю назад, – сказал Дин и показал рукой в сторону. – Там закопаны наши парни.

Я тоже помнил приметный бугорок с холмиками могил. Только теперь там прошли несколько танков. Гусеницы вывернули все наружу и вездесущий снег все укрыв. С приходом весны снег растает, и все тела, останки, обломки гробов выйдут на поверхность. Но бывает ли здесь весна? Не удивлюсь, если нет.

Наши противники, несмотря на вооружение ничуть не лучше нашего, с остервенением защищали родную землю. И надо признать не без успеха.

Особенности рельефа мешали использовать технику, а из-за постоянных и быстрых перемещений артиллерия потеряла всякий смысл. Информация доходила с опозданием. Во время артобстрелов никогда не было понятно, по нам бьют наши или враги?

В последнем бою у меня заклинило патрон, и я остался без оружия. По счастливой случайности противники отступили, иначе мне бы грозил плен. Или смерть. И неизвестно что хуже. Основным оружием теперь был штык и небольшой нож. Испробовать их шанса не было, но в условиях траншейной войны огнестрельное оружие отошло на второй план. Пока будешь перезаряжаться, тебя уже зарежут или заколют.

– Скоро мы будем воевать камнями и палками, – ворчал Дин, стараясь совладать с винтовкой. И в этом был резон. У одного ветерана из нашей роты основным оружием была саперная лопатка. Seriously, я не шучу. Он наточил её до бритвенной остроты и лихо рубил ей врагов. Теперь у всех имелись штыки, ножи, топоры.

Если бы наши противники имели достаточно боеприпасов и пулеметов, нас бы уничтожили в течение пары дней. Но было то, что было. Современная война с помощью холодного оружия.

///

Письмо Сокто всюду было со мной. Мне было некуда писать, но я начал это делать. Выплескивая мысли на бумагу, становилось легче, даже если это никто никогда не прочтет. Как-то после дежурства Дин застал меня за этим занятием.

– Не спиться?

Я помотал головой. Всегда у меня так. В процессе дежурства ужасно хочется спать. Но стоит ему закончиться, и сна нет, ни в одном глазу.

– Кому пишешь?

– Всем сразу.

– Думаешь, поймут?

– Едва ли. Ну, а вдруг? Впрочем, пишу скорее для себя, чем кому-то.

Потом я увидел, как пишет Дин. Заметив мой интерес, он смущенно улыбнулся и продолжил. В закрытых коллективах, часто бывает, что передаются какие-то привычки. Обычно вредные, вроде табака или алкоголя. У нас был совсем другой случай. Привычка писать, передавалась от человека к человеку, как болезнь. Теперь мы все писали письма. Все без исключения. Большинство писало семье, друзьям, знакомым. Были и такие как я. В каждом письме мы писали всем сразу, взывали ко всему миру, не жалея искренности. Письма мы складывали в один пакет и оставляли в надежном месте. Те, кто возвращался целыми и невредимыми должны были отправить. Почтовая, да и любая другая связь здесь работала из рук вон плохо. Почта не приходила месяцами, а теперь и не отправлялась. Стопка писем росла как на дрожжах. Пик заполнения приходился на часы перед сражением. Но, стоило вернуться живым из боя и многие рвали свои послания, стыдясь слабости. Однако уже к следующей атаке новое письмо было готово.

Апофеоз этой истории пришелся на последний день уходящего года.

Наше руководство все-таки придумало, как повернуть удачу в свою сторону. Они решили напасть в ночь Нового года. Обычно во все большие праздники военные действия прекращаются. Это неписанный закон, и нарушать его, значит совершить преступление похуже каинова.

Двадцать пятого декабря поступил приказ в новогоднюю ночь провести *blitzkrieg* по всем направлениям фронта. Даже видевшие много войн ветераны, не могли вспомнить примеры подобного вероломства. Дело осложнялось еще и тем, что у нас практически не было боеприпасов, только никого это не волновало. На каждого бойца приходилось всего по два-три патрона. Потому большинство приготовили гранаты и холодное оружие.

– Внимание парни, всем приготовиться!

Голос командира, как самый волнующий звук на свете. В дрожащих сумерках тихо хрустел снег. Докуда хватает глаз, раскинулась белоснежная равнина, изрытая разрядами арт-обстрелов. Наступление назначено на два часа ночи, когда противник окончательно расслабиться. И вот мы уже долгое время сидим и ждем сигнала к атаке. На небе почти нет облаков, полумесяц уныло висит среди россыпи звезд.

– У меня странное предчувствие, – прошептал Дин.

– Почему?

– Кажется, это мой последний бой.

– Последний в этом году, – попытался я ободрить его. Однако судя по кислому выражению лица, мне это не особо удалось. – Главное смотри в оба и держись рядом со мной. Короче все как обычно.

Дин кивнул и снова погрузился в свои раздумья.

Когда сто с лишним человек не издают ни звука, это настоящая ТИШИНА. Временами я озирался, чтобы удостовериться, что все еще находятся здесь, рядом со мной и никуда не исчезли.

– С Новым годом! – тихо проговорил кто-то и как мантра эти слова стали передаваться по цепочке, слева направо.

– С Новым годом! – шепнул мне Дин.

– С Новым годом! – передал я дальше.

Два часа пролетели незаметно. На другой стороне шли гуляния. Было слышно эхо криков, иногда долетали отголоски песен. В небо взлетали выстрелы из ракетниц, видимо аналог фейерверков.

– Внимание, приготовиться к атаке!

Вся операция проходила под грифом «Секретно» без поддержки артиллерии или авиации. Как у нас говорили «стелс» – операция. Окопы противника располагались в километре на север. Восемьсот метров мы должны были преодолеть по-пластунски, а дальше лихим наскоком ворваться и уничтожить.

– Приближаемся на критическое расстояние, стреляем. Далее заваливаемся в окоп и устраиваем рукопашную. Гранаты использовать только для взрыва укреплений, блиндажей и складов. На открытом пространстве не использовать, иначе велик шанс, пострадать самим, или умертвить товарищей.

Я окинул взглядом своих соседей. Интересно, у кого ещё сохранились гранаты? Лично я не держал их в руках уже больше месяца. Так, что едва ли их много.

– Вперед! – голос командира звучит негромко, но доходит до всех уголков.

Старт атаке дан! Когда приказ получен, волнение отступает. Сказали ползти – ползи! Делай, что велят, и не думай. За тебя уже подумали. Через пять минут пот с меня катил градом. Дин пыхтел рядом, от его головы вверх поднимался небольшой парок. Иногда я замирал, переводя дух, и осматривался вокруг. Мы, то отставали от других, то уползали вперед. Должно быть, сверху мы представляли весьма забавный вид. Множество темных гусениц, ползущих из одного канала окопа в другой. Силы по капле уходили из меня. Когда мышцы уже окончательно одеревенели, раздалось долгожданное: «В атаку!».

Молниеносная война, эффект неожиданности, вся эта затея пошла прахом. Стоило нам подняться, как нас стали обстреливать из ближайших окопов. Ряд округлых шлемов сплошным лесом вырос над краем окопа и винтовки дали первый залп. Наши темные фигуры на фоне белого снега, выделялись как мишени в тире. Мы с Динем пригнулись и как два спринтера влетели в ближайшую воронку. Место хватило, как раз двоим, земля приняла нас в свои объятия и временно скрыла от глаз. Над головами вжикали пули, заставляя нас сильнее вжиматься вниз. С нашей стороны раздалась редкие выстрелы, в окопы полетели гранаты. Толку от них было немного. Взрывы прогремели на большом расстоянии до окопов, не причинив никому вреда. Множество осветительных ракет взмыли вверх, и стало светло как днем. Большинство наших бойцов распростерлось на земле в нелепых позах, некоторые слабо шевелились. Кано-нада боя заглушила все звуки. Снег окрасился в багровый цвет. От выстрелов, разрывов в воздухе плыл густой пороховой дым.

– Смотри туда, – прокричал мне на ухо Дин.

Жалкие остатки роты, хоронясь по снежным ямам, пытались спастись бегством.

«Останемся, нам конец» – промелькнуло у меня в голове.

Не сговариваясь, мы вытолкнули свои тела из укрытия и бросились назад. Мы бежали зигзагами, петляли, падали и снова поднимались. Казалось, что мы как свет во тьме приковали к себе всеобщее внимание. Пули, злым роem, неотступно следовали за нами по пятам. Я почувствовал удар вскользь по ноге, но даже не подумал замедлиться. Следом обожгло левый бок. Горячая кровь струилась и стекала в сапог. Дин оторвался и бежал впереди, от спасительных укрытий его отделяло совсем небольшое расстояние. Пронзительный свист ударил по ушам. Я еще не успел понять, что происходит, а разум уже уверенно подсказал, что это конец. Сказалась постоянная муштра и вбивание в нас безусловных рефлексов, подобно собаке Павлова. Свист означал минометы!

Я обессилено рухнул на колени, готовясь принять неизбежную гибель. От тяжелого минометного обстрела не спрячешься в воронках. Вдруг чьи-то сильные руки рывком поставили

меня на ноги. Дин вернулся за мной, не успел я понять, что к чему, как он закинул меня себе на плечи. Первые взрывы грянули далеко в стороне, неспособные нанести нам вреда. Наводчики изменили вектор атаки, и снова этот пронзительный свист! Я видел раскаленные осколки на излете, как крошечные кометы, они прочерчивали свой путь, едва не достигая нас. Дин бежал все медленнее, дыхание с хрипом вырывалось из его груди. Кровь толчками стучала в висках. Не знаю, сколько прошло времени, но тут грянул третий залп. Свист был такой силы, словно гигантский футбольный арбитр пристроился около моего уха и оповещал об окончании матча. Перед взором вспыхнул пожар невиданной силы. В ту же секунду сознание погрузилось в блаженную темноту.

///

Очнулся я, спустя пять дней в госпитале, глубоко в тылу. Туда нас доставили на случайной попутке. Здесь же оказались три моих сослуживца. Из ста семнадцати человек, выбраться из той схватки смогли лишь четверо. С поля боя ушли девятнадцать, только два дня их преследовали враги и сократили количество. Когда ситуация стала безнадежной, командир и еще пара парней остались прикрыть отход. Они смогли задержать преследование на двенадцать часов, дав нам спастись. Они выиграли время, и ценой своих жизней расплатились за наши.

Дин скончался в тот же день. В момент разрыва мины, он прикрыл меня собой. Принял на себя почти все осколки. Чуть-чуть он не успел добраться до окопа. Предчувствие его не обмануло, это действительно был его последний бой. Дин выиграл его, тем, что самоотверженно спас меня.

Мы выжили, но были пусты. От нас осталась одна физическая оболочка, без всякого духовного наполнения. Один вскоре умер на операционном столе. Двоим, ампутировали отмороженные конечности. От пережитого шока они впали в состояние оцепенения. Целыми днями лежали и безучастно смотрели в стену, никак не реагируя на внешние раздражители.

Я был весь перевязан бинтами. Много спал, а шевелить мог только руками. Моё состояние и дальнейшая судьба были неизвестны, но это меня не волновало. Я вообще почти ни о чем не думал, в голове словно образовалась пустыня, лишённая жизни.

Когда санитар принес и положил на одеяло сумку, я даже не понял что это такое. Это были наши письма. Толстая стопка конвертов, с неразборчивым почерком, многие отсыревшие, некоторые заляпанные кровью. Было здесь письмо Сокто, и письмо Дина, и нашего командира, да и большинства парней. Больше ста клочков бумаги, исписанные старыми чернилами. Меланхолия черной тенью легла на мою душу. По воле случая я остался последним, и мне предстоит отправить их по адресам, криво написанным на оборотах. Только этого не будет. Понимание яркое, как солнечный летний день появляется передо мной. Я не смогу их отправить, я уже умер, в ту злополучную ночь Нового года.

Я аккуратно завернул всю стопку в полиэтилен и убрал в сумку. Когда вечером зашел санитар, я передал её ему.

– Сможешь унести на почту? – тихо попросил я.

– Это еще зачем? Выздоровеешь и сам унесешь, – проговорив это, он отвел глаза.

«Не унесу», – пронеслось у меня в голове.

Ночью я достал своё письмо. Перечитал, и сделал внизу маленькую приписку.

«... всеми силами сохраняйте мирное небо, ибо ни в какой войне не бывает победителей. Все мы, её участники, так или иначе, проиграли...»

///

Спустя время он умер. Спокойно, во сне. Врачи нашли сумку с письмами, бережно спрятанную под подушкой. Послания разлетелись по всему миру, разнося последние вести солдат, даря утешения или разрушая надежды.

«Особый мир»

Самые невероятные вещи всегда таятся в самых заурядных событиях. Прописная истина из числа тех, что начинаешь понимать, только прочувствовав на своей шкуре. Сколько себя помню, я усердно училась. Школа, разнообразные кружки, университет. Пока другие люди менялись, влюблялись и занимались прочими вещами, свойственными процессу взросления, я корпела над учебниками. Весь мир для меня состоял из обучения.

«Учись хорошо, станешь большим человеком!» – говорили мне и я слушалась. Я жила, чтобы учиться, и училась, чтобы жить. Все окружение готовило меня к учебе, но не к взрослой жизни. Ничто не вечно, гласит постулат самой природы. Когда все ступени обучения были закончены передо мной встал выбор работы. Специальность у меня была самая заурядная, да и я не горела желанием всю жизнь проработать в архивах библиотек или организаций. К тому времени я обрела некую самостоятельность, и уже не шла на поводу своих тоталитарных родителей. Размышления длились недолго. Что всегда стояло во главе списка моих интересов? Что занимало основное место на алтаре моего бытия? Бинго! И я отправилась в школу. Прошла переквалификацию и получила распределение в далекий городок на востоке.

Когда перрон и стоящие на нем близкие начали медленно уплывать вдаль, ко мне пришло осознание старта новой жизни. Поездка куда-то и возможно навсегда, будоражила всё внутри. Я пыталась читать, но смысл ускользал, потому пришлось отложить книгу. Перекусила домашними бутербродами и немного успокоилась. В жизни вообще не так много вещей, из-за которых стоит переживать. В вагоне, кроме меня ехало еще несколько человек. Семейная пара с непоседливым ребенком, старушка и мужчина средних лет. Поговорить решительно не с кем.

С наступлением вечера мы прошли несколько крупных станций. Весь состав укутал легкий полумрак. Вагон незаметно заполнился. И опять мне не повезло, на соседних местах пристроились иностранцы. Они вежливо покивали мне. Некоторое время они хранили тишину, а после стали тихо переговариваться на своем языке. Я вздохнула и отвернулась к окну. Только редкие фонари и сигналы семафоров выхватывали куски пространства из темноты. Тихая беседа попутчиков напоминала журчание горного ручья, под эти звуки сон забрал меня к себе.

///

«Уважаемые пассажиры! Наш поезд прибыл в станцию ***, префектуру ***. Надеемся, в пути вы хорошо провели время. Желаем Вам всего доброго!»

Грубый механический голос плохо способствовал хорошему пробуждению. Пассажиры встрепенулись и недовольно оглядывались по сторонам. Больше всего, они напоминали стаю птичек, чей покой нарушила кошка.

Я сняла саквояж с полки и прошла на выход. Усталая проводница улыбнулась мне на прощание. Весна здесь приходила чуть раньше и клумбы на вокзале украсились робкой зеленью. Люди сбросили зимние наряды и щеголяли в легких куртках. Моё теплое пальто смотрелось неуместно. Мгновенно выдавало чужеземку. Даже самой мне оно сразу показалось душным и громоздким. Я вдохнула полной грудью свежего воздуха и задрала голову. Ласковое солнце зависло в самом зените, одинокие облака, белыми кляксами расплылись на синем холсте.

– Мама! На улице-то как хорошо! – прокричал какой-то мальчуган, вторя моим мыслям.

Небольшой городок, после моего захолюстья показался едва ли не столицей. Прямо за стенами вокзала, толпы людей спешили по своим делам. Переходили дороги и садились в автомобили, кричали в телефоны и читали газеты. У меня даже голова закружилась от всего происходящего. Ища спасения, я нырнула в ближайшее кафе.

Округлая, румяная официантка выросла около моего столика.

– Добрый день! Вы приезжая?

Я удивленно кивнула.

– Наверное, только с поезда? Сейчас налью вам кофейку, а уж потом спокойно выберете заказ.

Не успела я углубиться в недра меню, как она вернулась с первоклассным кофе. Дразнящий аромат, нормального размера чашка, и пышная пенка.

– Вот, выпейте, с дороги это самое лучшее. Знаю, какое впечатление производит эта картина, когда выходишь с вокзала. Будто в гигантский муравейник угодили, – и она показала в окно, за которым продолжалось суетливое движение. – У нас довольно спокойный городок. Просто здесь деловой центр, занятые рабочие люди. Увидела ваши испуганные глаза, думаю надо успокоить человека, а то, не дай бог, сядет обратно в поезд и уедет, – при этих словах она тихо хихикнула. – Простите, я не представилась. Я Мия, и это моё скромное заведение.

– Меня зовут Аюна, у вас очень замечательно, – ответила я.

– Спасибо. Какое красивое имя. И довольно редкое.

Я кивнула.

– Да, тибетское, родители исповедуют буддизм.

– Понятно, хотите перекусить?

Я заказала стандартный завтрак. После еды мы еще немного поговорили. Я рассказала о себе и зачем приехала. Пришли несколько посетителей, и мне пришло время откланяться. За кофе Мия не взяла с меня денег, и еще дала с собой несколько булочек.

– Возьми, вкусные, кажется язык проглотишь. Удачи тебе, будешь в наших краях, забегай, буду рада видеть.

От Мии веяло добротой и уютом. От общения с такими людьми на душе становится очень тепло. Не зря говорят «некоторые люди, как дом, в котором живет любовь». После этой встречи город представился мне совсем в другом цвете.

С помощью сердобольных прохожих я добралась до места работы. Школа располагалась на самой окраине. Здание старой постройки было недавно отремонтировано. Больше всего оно походило на женщину, которая начинает стареть. Она продолжает за собой ухаживать, только возраст неизбежно берет своё. Дворик был пуст, только ветер с тихим скрипом раскачивал

качели. В воскресный день все отдыхают. Воспоминания перенесли меня назад. Когда я училась в школе, то не особо любила выходные дни, ведь в них не бывает занятий.

Вахтер открыл мне дверь и, выслушав, отвел к директору. Несмотря на выходной, директор сидел за своим столом и курил. Стол был завален бумагами, папками, тетрадами. При нашем появлении, он поднялся навстречу.

– Моя фамилия Сакура, я директор этой школы. Простите за беспорядок, работа никогда не заканчивается, – виновато развел он руками.

– Нет, нет, все нормально. Я Аюна ***, вам должны были сообщить о моем приезде. Приезд был запланирован на послезавтра, но я решила прибыть пораньше, осмотреться.

– И правильно сделали. Я читал ваше резюме, и скажу, что очень впечатлен. Вы бы могли работать во многих местах. Почему именно школа?

– Люблю учиться и сам процесс обучения.

– А детей любите?

– Думаю да.

– Хм... У вас есть свои дети?

– Пока нет.

Директор Сакура ненадолго замолчал.

– В вашем письме говорилось о необходимости предоставления жилья. Дело в том, что общежитие сейчас на ремонте. Почти все учителя, работники – местные жители. Потому, всем живущим в общежитии есть, где переждать ремонт. А вот вы особый случай... Но, думаю, мы сможем что-нибудь придумать. Пройдемте со мной.

Мы спустились на вахту, взяли ключ и поднялись на четвертый этаж. По запустению, царящему здесь, можно было судить, что он не используется для учебы. Перед одной из дверей, директор остановился. Щелкнул замок, и он открыл дверь. Нашарил выключатель и вспыхнул свет.

– Вот, раньше здесь жили учителя по обмену, после обитали ночные сторожа. А теперь эта комната пустует. Сказать по секрету, я сам в начале карьеры полгода жил здесь.

Комната состояла из дивана накрытого полиэтиленом, шкафа, тумбочки и ковра. Два узких оконца пропускали рассеянный свет. На противоположной стене была дверь. Даже обилие пыли не мешало комнате выглядеть жилой. Слово её хозяин уехал в отпуск и скоро вернется.

– Привести здесь всё в порядок, и можно неплохо жить.

– А куда ведет эта дверь?

– Эта дверь ведет на крышу. Так что на вопрос где вы живете, можете смело отвечать в пентхаусе! – и он довольно заушал, радуясь своей шутке. – Ну как вам?

– Годится, я согласна.

///

Следующие несколько дней директор Сакура освободил меня от занятий. Дал время навести чистоту в жилище и немного освоиться. Пришло время занятий. Коридоры заполнились детским смехом и топотом ног. Иногда раздавались громкие трели звонков, отмеряя время уроков. В ближайшем магазине я приобрела кресло-качалку и три светильника-бра. В сумерках, когда темнота только вступала в свои права, приглушенный свет создавал волшебную атмосферу и уют. В теплые вечера я выносила качалку на крышу. Сидела с чашкой зеленого чая и созерцала закат. Что ни говори, а мне здесь начинало нравиться.

Познакомилась с учителями. Их было мало, а учеников много, потому все постоянно спешили на свои занятия или другие дела. Коллектив общался только по рабочим делам, на все остальное просто не было времени. Никто не гонял чай, никто не сплетничал. Как только заканчивался рабочий день, все торопились домой к своим семьям.

В школе был живой уголок. Помимо животных, там были и растения. Учительница биологии с благозвучным именем Линнея, подарила мне несколько симпатичных кактусов и молочай.

– Растения обязательно должны быть в доме. Как же без них? Даже, если дома никого нет, они поддерживают в нем жизнь. Опять же они очищают воздух, выделяют кислород. Главное не перегибать палку с количеством.

– У моей мамы была аллергия на пыльцу, потому в доме никогда не было цветов. Не знаю, сумею ли я уследить, чтобы зеленые гости не пропали?

– Милая, они почти и не требуют ухода. Кактусы можно поливать раз в две недели, молочай чуть чаще. А, если возникнут вопросы, я всегда к твоим услугам.

Так в моем «пентхаусе» появились небольшие горшки с зелеными обитателями. Первые дни я очень переживала и едва ли не каждый час осматривала их на предмет болезни или изменений. А потом привыкла. И как я раньше обходилась без растений?

Из животных в живом уголке были котенок, черепаха, кролик, рыбки и хомячок. Дети должны были за ними следить, убирать клетки и кормить. Но, в большинстве случаев, это приходилось делать учителям. Мне тоже поручили раз в неделю проводить инспекцию и в случае надобности применять меры. С котенком и вовсе вышла интересная история. У остальных обитателей уголка были свои клетки, аквариумы, а у котенка такого не было. Только коробка с набросанными там тряпками. Вследствие этого он имел определенную свободу. Коей без зазрения совести пользовался. Проще говоря, он постоянно убегал. Я этой его отличительной черты не знала, и потому очень удивилась, обнаружив его вечером в своем жилище. Я не поленилась и отнесла его обратно «домой». Только на следующий день все повторилось, а потом снова. На третий день я плюнула и оставила его у себя. Имени у него не было, и эта обязанность легла на меня. Глядя, как он уплетает рыбу в сочетании с морской капустой, на ум приходили разные морские гады.

– Может назвать тебя Крабом? Или Скотом? А как тебе Минтай?

На все мои слова он оставался безучастным.

– Что же ты всё молчишь? Может назвать тебя Рыбкой, только на английский лад – «Фиш»? По-моему отличное имя.

Несколько раз произнесла его вслух, словно пробуя на вкус. Неожиданно котенок поднял голову от еды и тихо мяукнул. Я пришла в полный восторг!

– Теперь будешь Фиш, а то куда не годится ходить безымянным.

Новоиспеченный Фиш, закончил трапезу и принялся умываться, оглашая комнату довольным урчанием.

Неотвратимо приближался день начала работы. И чем ближе он был, тем больше я нервничала. Я очень хотела оказаться перед классом, а с другой стороны сильно этого боялась.

Чем выше ожидания, тем больнее падать. Может, получилось несколько косноязычно, но суть отражает очень верно. Как вы уже догадались, мой дебют, да и последующие пару недель занятий обернулись полным фиаско. Все ожидания, надежды пошли прахом. На первом уроке я очень волновалась. Слушая мои запутанные объяснения, дети непонимающе молчали. Но, уже к третьему уроку они освоились и начали тихо переговариваться. Громкость разговоров незаметно увеличивалась, по партам пошли записки, то и дело раздавалось тихое хихиканье. На задних партах шли активные соревнования по sudoku и морскому бою. В силу природной скромности я была очень кроткой с детьми. И это сыграло со мной скверную шутку. Несмотря на юный возраст, я всех в классе называла на «вы». Видно, дети восприняли это как некую слабость, и на все мои увещания почти не реагировали. Из тридцати детей, внимательно слушало от силы человека четыре, остальные занимались своими делами. К концу первого дня я была выжата как лимон, но решила пока, ни с кем не делиться встающими передо мной проблемами. Все-таки взрослая жизнь располагает к самостоятельному решению проблем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.